

Глава 3

К разговору на повышенных тонах в кабинете Осипова прислушивалась вся контора. В кабинете у Литвакова, в котором было слышно лучше всего, неожиданным образом скопилось уже человек семь.

– ...Да что вы себе позволяете! – незнакомый, неприятный холодный тенорок чуть ли не перешёл на фальцет. – Вы обязаны выполнять распоряжения партии...

Голос Осипова был внешне спокоен, но твёрд до предела. Обычно Георгий Самуилович Арнапольский, главный инженер управления в таких случаях полушутя говорил: «Ну, всё, Борис, закусил удила». Сейчас, слушая перепалку, происходящую за стеной, вместе со всеми у Литвакова, он только ухмылялся. Его самого достал этот новый третий секретарь Нижневартковского райкома, некто Бугдач, своими бесконечными инициативами и требованиями, мол «Мегионнефть» должна и даже обязана...

– Партия поставила передо мной задачу организовать производство добычи нефти. Я этим и занимаюсь. А вот вы... просто позорите звание коммуниста.

Дверь кабинета громко хлопнула, по коридору послышались торопливые шаги, совершенно смазавшие попытку Бугдача оставить последнее слово за собой: «Я доложу Первому...». Молчания подслушивающих хватило на пару минут, а потом здоровый мужской смех заставил даже задрожать стакан с чаем на столе Литвакова. Правда, смех также резко оборвался, когда в кабинет вошёл Осипов и окинул толпу задумчивым взглядом. Увидел Арнапольского, улыбнулся и тяжесть предыдущей встречи просто истаяла.

– Георгий Самуилович, вы вернулись. Это хорошо. Что там Абазаров... – и повлёк за собой главного инженера. Остальные тоже уже собрались расходиться по своим кабинетам, как Багрецов произнёс:

– Не легко придётся Борису Ивановичу. Этот Бугдач – сволочь ещё та.

Народ остановился, зашумел, требуя дальнейшего пояснения.

– Павел Васильевич, не томи, говори, в чём дело? Что знаешь?

Павел действительно знал уже не мало. В августе, буквально через неделю после издания приказа о создании нефтепромыслового управления «Мегионнефть» из райкома комсомола пришло напоминание, что в новом трудовом коллективе со списочным составом в семьдесят восемь человек почти половина – это молодёжь комсомольского возраста, а потому «необходимо в срочном порядке создать комсомольскую организацию на предприятии».

Собрание провели ещё через неделю, и кандидатура Багрецова, предложенная самим Арнапольским, была поддержана единогласно. Так Павел стал комсоргом. Он не рвался на это место, но как сын потомственного офицера был просто воспитан в традициях русской армии – получен приказ, оказано доверие, нужно хоть в лепёшку разбиться, а выполнить. Только обязательно при этом думать своей головой. Продолжает семейную воинскую династию старший брат, Пётр. А Павел выбрал профессию, связанную с его страстью к технике, чему очень была рада мама.

Бугдач в Нижневартовске появился месяц назад. По образованию – нефтяник, но по профессии, не смотря на свои тридцать семь лет, отработал от силы года четыре. Всё остальное время был руководителем по общественной линии – начинал с председателя подразделения профкома на одном из самарских предприятий, потом всего предприятия... Вверх по карьерной лестнице он даже не шёл, а вползал незаметно, но упорно. В общем-то не глупый человек, все свои явные и мнимые таланты он посвятил одному

– быть руководителем, и чем крупнее предприятие, тем сладостнее его душе. Поэтому, когда в центральной прессе пошли публикации об открытии, а затем и добыче первой нефти в Мегионе, его особым образом настроенная натура нервно затрепетала, видя свой шанс. Уж путём каких интриг и провёрнутых многоходовок он добился своего направления в Нижневартовский райком партии распутать не удастся, но первая встреча с Бугдачем оставила у Павла неизгладимое впечатление. И очень, очень нехорошее.

– Он скользкий, как жаба, – невольное омерзение промелькнуло на лице Багрецова, хотя обычно таких проявлений он себе не позволял. – Карьерист и, как мне кажется, метит на место Бориса Ивановича.

– А куда смотрят в райкоме? – скорее возмущение, чем вопрос от невысокого, крепенького связиста Алексея.

– А куда им смотреть? Бугдач делает всё, чтобы его посчитали незаменимым, такую бурную деятельность развёл и всё через постановления да указания. В райкоме комсомола уже стонут от его руководящих действий. А придраться не к чему – он действует строго в рамках решений съезда партии, поделился своими наблюдениями Павел.

Дальнейшее обсуждение прервал Литваков, мол «поживём, увидим, а сейчас работать надо», и народ разошёлся. Сергей остался в кабинете, точнее после той первой поездки «в поле» на Баграс Владимир Уриелевич сам два месяца назад распорядился поставить в своём кабинете второй стол для Бороздина, увидев в нём хорошего помощника – умного, наблюдательного, с чёткой логикой. «Самое то для мозговых штурмов!» – так высказался он о Сергее в кабинете Осипова.

– Так что там, у Владимира Алексеевича? – повторил вопрос Арнапольскому начальник управления, когда они вошли в кабинет Осипова и плотно прикрыли за собой двери.

– Все документы по передаче буровых на Мегионском месторождении нам от геологов подписаны. Так что мы тут оборудованием чуть ли не на полмиллиона обзавелись, – начал рассказ главный инженер.

– Это хорошо, – задумчиво произнёс Борис Иванович. – Нам бы ещё на зарплату выделили, а то, нефть – давай, а как платить, так подождёте. Боюсь, что до нового года нормальной зарплатой народ не увидит. Я уже срочную депешу в Главк отправил... На свой страх и риск.

– А люди едут. У нас тут ещё более-менее спокойно, а вот что в Мегионе, – продолжил делиться новостями главный инженер. – Ты ж этот закрытый указ о направлении на места общественно-значимых строек в Сибири и на Дальнем Востоке бывших зэков знаешь. В Мегион прибыла партия в пятьсот... человек. – Арнапольский запнулся на последнем слове, словно засомневался, можно ли бывших преступников именовать людьми, ибо и для него «Человек – это звучит гордо!» не было пустым звуком. – Какой это контингент, сам понимаешь. Так вот геологи с ними едва справляются. Владимир Алексеевич рассказал, как мужики на прошлой неделе двое суток выдерживали осаду вокруг женского общежития, охраняя от пришлых.

– Да-а, знаю, – протянул нервно Осипов. – Я тут в райкоме партии с первым практически разругался из-за этой партии каторжан. Высказал ему все свои сомнения. А он мне, мол, мы должны считать каждую народную копейку, да и воспитанием бывших зэков заниматься. Слушай, может наших в Мегион на подмогу отправить? У нас же молодёжь создала дружину правопорядка. Вот и поможем геологам немного, да и народ

наш к Мегиону начнёт присматриваться. Рано или поздно нам там создавать свои базы.

– Наверное, можно отправить, – согласился Арнапольский, – всё равно сейчас не заняты добычей. Эх! Труба нужна.

– Нужна, конечно. В нашем министерстве, – и Осипов с усмешкой указал на потолок рукой, одновременно подняв глаза, как в молитвенном жесте, мол «молитесь и обрящете», – обещают строительство начать со следующего года, за зиму должны всё оборудование для стройки завезти. Да Владимир Уриелевич обещает закончить оконтуривание Мегионского месторождения уже к весне.

– Ну, он у нас в геологии – Бог! – со смешком одобрения оценил новость Арнапольский, направляясь к выходу. – Я вроде всё главное тебе рассказал. – Вдруг остановился возле самой двери, – Ты тут с Бугдачем поосторожнее – действительно премерзкий и скользкий тип, а не подловить пока. Ребята тут считают, что он под тебя копает. Очень недовольны этим, всегда тебя поддержат. И я всегда тебя поддержу. Только и ты постарайся сильно не нарываться. Хотя... Доведёт, я сам не сдержусь...

– Эх, время дуэлей закончилось, – с настоящей грустью в голосе, проводил своего главного инженера Осипов. – Жаль...

Разговор о нефтепроводе начинался уже не раз, и первыми о нём заговорили ещё геологи из команды Абазарова. И, не смотря на то, что уже три с половиной года фонтан мегионской нефти так же силён, как при первом выбросе, там, в Москве, находятся весьма авторитетные умники и среди партийцев, и среди учёных, которые считают западно-сибирскую нефть делом бесперспективным и даже вредным для народного хозяйства. Противостояние с ними выматывало и Осипова, и Абазарова гораздо больше, чем суровые природные условия и первобытность бесконечных таёжно-болотных территорий. К этому неверию в сибирскую нефть прибавлялись голоса сторонников строительства на Оби новой ГРЭС, в результате чего рукотворное море может похоронить под собой невероятно огромную территорию, до нефти будет практически не добраться... И не только Осипова мучили сомнения – а не связаны ли позиции неверящих «умников» из Москвы и сторонников строительства между собой какими-то крепкими верёвками? От того, что это противостояние отзывалось на каждом работнике пока ещё малочисленного коллектива «Мегионнефти» в виде задержки оборудования, зарплаты, отсутствия жилья, похоже голова болела только у Осипова, Арнапольского и Литвакова.

Погружённый в невесёлые мысли, Борис Иванович подошёл к окну. Конец ноября, а зима уже недели как три давит морозами. Одно хорошо – лёд на протоках окреп, тяжёлая техника проходит, осторожно, но всё-таки. На другой берег Оби транспортировать буровое оборудование, конечно ещё опасно, но то, что полегче, начали перетаскивать. Фронт работы предстоит бесконечный. Мегионские геологи молодцы, прошедшей весной ещё одно неплохое месторождение нашли возле такой маленькой деревушки – Ваты.

Такие вот минуты спокойного размышления в этом кабинете выдавались очень редко. Обычно кабинет начальника управления был более похож на военный штаб – это сравнение неоднократно приходило к Борису Ивановичу, напоминая о его фронтовой юности.

– Борис Иванович, можно? – ну вот и закончились минутки тишины. Со своими выкладками пришёл бухгалтер. – Вы просили предварительные финансовые итоги года показать.

– Ну да, по добыче план-то мы перевыполнили почти в полтора раза, а вот что получают люди – хотелось бы знать. Особенно с учётом, что коллектив вырос больше чем в

шесть раз...

Вечером уже дома, на квартире Анастасии Семёновны Павел и Сергей неожиданно для себя вернулись к разговору об утреннем посещении конторы третьим секретарём райкома. За прошедшую пару месяцев молодые люди крепко подружились, находя друг в друге то, что более всего ценили – честность и крепость натуры, а также начитанность и образованность. Удивительное дело, но публикации в толстых литературных журналах могли вызвать у них не менее жаркий спор, чем какая-нибудь проблема на работе. В маленькой сельской библиотеке за короткий срок они стали чуть ли не любимыми посетителями, и дело не только в том, что каждый раз баловали девочек-библиотекарш конфетами и комплиментами, но и были, что называется «запойными» читателями.

Вот и сейчас, удобно устроившись полулёжа на своей кровати, Павел, который на этот раз выиграл первую очередь на прочтение нового номера журнала «Юность» у Сергея в шутовском споре, уже было открыл первую попавшуюся страницу в предвкушении, но замер на какое-то мгновение и медленно положил журнал рядом с собой.

– Знаешь, у меня всё не идёт из головы утренний разговор Осипова и Бугдача.

Сергей в молчаливом вопросе приподнял бровь в ожидании продолжения мыслей друга.

– Ведь всё, что мы делаем здесь идёт на благо страны. Согласен? Нефть нужна! И нужна всем! Вот представь, сколько её надо там, на совхозных полях или для полёта наших ракет в космосе, или для армии. Но что мы видим!? Находятся такие особи, которые за собственной личной выгодой ничего понимать не хотят. Почему? Откуда? Откуда берутся в нашей стране такие люди, которым личное застит глаза перед всем остальным? – Риторические вопросы Павел задавал нередко. Во-первых, потому, что его деятельная натура, кажется, даже во сне находилась в состоянии размышления, и мысли часто просто прорывались наружу, затягивая в свой водоворот каждого, кто оказывался поблизости. Во-вторых, он был уверен, что только через обмен мнениями и даже спор можно определить позицию любого человека и найти решение любой проблемы. Ну, или почти любой. Однажды чётко определив для себя, где находится его «правда», Павел оставлял за другими право собственного мнения и отстаивания собственной позиции. Именно отстаивания, доказательного, подтверждённого железобетонными аргументами. Тех же, чьи аргументы были слабоваты или вообще происходили из интересов собственно «особи», в устах Павла это слово звучало презрительно и даже оскорбительно, Багрецов способен был в словесном поединке «уложить на лопатки».

Разговоры с Сергеем же часто помогали комсоргу оттачивать собственные аргументы, потому как жизненные принципы их практически совпадали, но интуиция и интеллект, которые сразу оценил в своё время Литваков, да ещё и наследственная интеллигентность, выпестованная несколькими поколениями учительской династии Борздиных, делали Сергея потрясающим собеседником именно для Павла.

– Я никак не могу поверить в то, что человек, получивший высшее образование, не может дать адекватную оценку своим способностям... – продолжил Павел, взъерошивая волосы на затылке, как он делал всегда во время споров или размышлений вслух. – Вот возьми, например, нашего связиста – Алексея. Поёт – заслушаешься, но, как сам считает, что не дотягивает до большой сцены, а потому выбрал себе реальное дело. И, не смотря на то, что закончил институт связи, не отказывается здесь быть просто связистом, потому, что общее дело для него важнее, чем построение личной карьеры.

– Думаю, что долго рядовым связистом он не будет, – прервал своё молчание Сергей, откладывая в сторону, рядом с собой на раскладушку, своё «рукоделие» – прохудившиеся шерстяные носки, которые до этого пытался заштопать. – Ещё немного, и здесь тоже потребуется развитие собственной большой связи. Да она уже нужна. Как расплзутся наши участки нефтедобычи по тайге, так и застонем мы без надёжной связи.

– Согласен. Зато, смотри, какой опыт он нарабатывает, свою теорию, полученную в институте, подтверждает практикой. И в итоге из него выйдет настоящий специалист, которому не страшно будет поручить и большое дело. А этот...

– Ты о Бугдаче?

– Ну да. Ведь если бы он по-настоящему работал, то, думаю, давно бы уже какое-нибудь большое предприятие возглавлял.

– Если бы он работал по-настоящему, ему скорей всего всё равно было бы, какую должность занимать, – убеждённо сказал Сергей.

– Да, ты прав.

– Нет, я не прав, – задумчиво опроверг себя Сергей. – Он – карьерист, а им, как мне кажется, вообще нельзя доверять руководство, хоть чем.

– Это в идеале, а на практике получается полная противоположность.

Замолчали. Сергей, которому по жизни пока везло больше, и он ещё не встречал таких типов, пытался понять самого себя, почему в нём живёт такое отторжение и неприятие некоторых качеств людей. Павел же, не желая того, вспомнил одного аспиранта на своей кафедре физики, который лестью, хитростью и наглостью, просто выжил из института старого декана, умнейшего и старомодно честного человека, ветерана войны. Вся та история прошла как бы мимо него, студента-третьекурсника, но вот уход декана и всплывшие потом обстоятельства вызвали в нём бурю гнева, и он даже готов было набить морду зарвавшемуся карьеристу. Последнего от неизбежной драки спас только перевод его в другой институт, в другой город. Декан на работу так и не вернулся, сражённый инфарктом.

– Знаешь, – прервал молчание Павел, – я уже видел, как гнусная ложь и такое вот давление ломали, казалось бы, железных людей. Их нельзя было сломать ни пытками на войне, ни тяжёлым трудом... А вот человеческая подлость оказалась для них непреодолимой.

– Мне кажется, – Сергей посмотрел прямо в глаза другу, – у хороших, порядочных людей просто нет иммунитета против подлости. Я часто ставлю себя на место участников самых разных ситуаций, чтобы понять, а как бы сам поступил в том или ином случае...

– И-и-и? – заинтригованный Павел, даже встал с кровати.

– Иногда я просто не нахожу своего ответа, такого, чтобы позволял чувствовать себя сильным.

– А может ты просто не находишь свою правду?

– Нет. Я думаю, чувство Правды во мне воспитали крепко, и я не уступлю, оставая её. Но если дело затронет меня самого, моей личности... Я не всепрощенец, но мараться из-за чьей-то непорядочности и мерзости...

– И что бы ты сделал на месте Осипова? – Павел хитро улыбнулся, думая, что поставил друга своим вопросом в тупик.

– Просто работал, может быть ещё больше, чем работаю сейчас, чтобы не словами, а делом доказать свою правду, но постарался бы к минимуму свести всё общение

с этим... – не подобрав точного слова в определении Бугдача, Сергей только махнул рукой.

– Да... Он действительно так поступит, но мне кажется, этого будет недостаточно...

Новость, поведанная Осиповым на расширенной утренней планёрке, на которую были приглашены все конторские, вызвала всеобщее большое оживление.

– На освоение тюменских богатств направят две тысячи добровольцев – демобилизованных после службы в армии.

– Ух ты!

– Да-а-а...

– А к нам тоже придут? – заговорили одновременно все радостно. Несмотря на то, что коллектив за два месяца увеличился в несколько раз, людей катастрофически не хватало.

– По разнарядке именно к нам должны приехать шестьдесят четыре человека...

– Девушек опять не будет. Жаль, – печальным голосом сдохнул связист Алексей.

– ...И мы, – чуть повысив голос, чтобы вернуть внимание и тишину, Осипов продолжил, – мы должны обеспечить их всем – от работы до вилки с ложкой! Итак, у кого какие мысли? Давайте по порядку...

Обсуждение затянулось надолго. Жильё надо было строить и очень быстро, а строительных материалов несмотря на то, что вокруг тайга, было мало. Ну, не будешь же, в самом деле, рубить общежития из кругляка. А речники, которые должны были завезти всё необходимое за лето, со своими планами и обязательствами не справились. Вроде и по объективным причинам, но легче от этого никому не было. Хорошо ещё, что смогли вывезти добытую с большим трудом первую нефть в Омск на переработку. Никто в стране не был готов к открытию такого огромного богатства, потребовавшего бесконечных сил на его добычу. Осознание и прочувствование собственной кожей всего масштаба и грандиозности предстоящего происходило здесь, на местах, среди тайги и непроходимых болот в маленьких посёлках.

– ...Ну, молодёжь, что скажешь? – В разговор давно вступил Арнапольский, своими точными, ироничными, а порой и едкими замечаниями управляя ходом всего разговора. Ему, как главному инженеру, конечно хотелось, чтобы первоочередное внимание было уделено обустройству самого месторождения, чтобы процесс добычи был отлажен и шёл, как часы, без сбоев. Но и необходимость развития жилого посёлка тоже была насущной. И потому, Георгий Самуилович вынужденно тормозил свои порывы отстаивать приоритет обустройства месторождения, от чего злился – на себя, потому что должен сдерживаться, на речников, потому что не выполнили обещанное, на обстоятельства вообще и на всех тех, кто до сих пор не понял, какое дело государственной важности здесь в маленьких Нижневартовске и Мегионе совершается.

Осипов же, словно отстранился от разговора, молча, наблюдал за всеми со стороны. Борис Иванович уже давно успел понять и оценить горячую натуру Арнапольского и мудрое спокойствие Литвакова и потому прекрасно прочитывал их состояние, как, впрочем, и всех остальных. Его лёгкая улыбка удовлетворения от происходящего была замечена и понята лишь Литваковым и Арнапольским, да ещё и Сергеем. Он улыбнулся в ответ, мысленно соглашаясь с тем, что всё, что они тут наговорили – правильно, и в этом тоже есть своя прелесть жизни.

В завершении обсуждения слово взял Багрецов.

– Сегодня же соберём комсомольское собрание и обсудим строительство новых общежитий здесь, в Нижневартовске.

– Это хорошо, – прервал своё молчание Осипов, – когда сможете начать стройку?

– Я думаю, дня через два, когда определим каждому его фронт работ, и будет ясно с местом расположения будущей молодёжной улицы.